

На правах рукописи

Соснина Анна Александровна

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССК. ПУСТ- И АНГЛ. EMPT-
НА ФОНЕ ИХ ИДЕОСЕМАНТИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2016

Работа выполнена на кафедре иностранных языков гуманитарного факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный технический университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Проскурин Сергей Геннадьевич

Официальные оппоненты: **Мызников Сергей Алексеевич**,
доктор филологических наук, профессор,
федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Институт лингвистических исследований
Российской академии наук»,
словарный отдел, заведующий;

Либерт Екатерина Александровна,
кандидат филологических наук,
федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии наук», сектор языков
народов Сибири, старший научный сотрудник

Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 10 июня 2016 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 8 апреля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено этимологическому анализу русск. *пуст-* и англ. *empt-* и их идеосемантической актуализации в художественных текстах.

Актуальность работы определяется важностью для культуры оппозиции «пустое – заполненное пространство», необходимостью дальнейшей разработки методики этимологических объяснений через художественный текст, т.к. последний способен сохранять древние значения и формы слова и позволяет верифицировать результаты этимологического анализа; необходимостью рассмотреть понятие пустоты, по возможности, с разных точек зрения: лингвистической, философской, мифологической, научной.

Научная новизна работы:

1. Полный всесторонний историко-этимологический анализ двух производящих основ, связанных с пустотой в русском и английском языках – *пуст-* и *empt-* – проводится впервые.

2. В диссертационном исследовании разрабатывается методика использования художественного текста в качестве верификации для этимологического анализа. Основой методики является выделение и последующее изучение сетки мотивов, относящихся к основам *пуст-* и *empt-* и их идеосемантической актуализации в русском и английском художественных текстах.

3. Работа выполнена на пересечении трех подходов: сравнительно-исторического, системно-центрического и антропоцентрического, с привлечением художественных текстов. В целом, использованный в работе метод может быть определен как интегративный и междисциплинарный, т. к. в работе использовались данные смежных наук – литературоведения, истории, философии и др.

Цель работы – провести сравнительный историко-этимологический анализ словообразовательных гнезд с основами *пуст-* и *empt-* в русском и английском языках на разных этапах их развития и, выделив на основании этого анализа сетку мотивов, связанную с этими основами, проследить их актуализацию в романах В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «To the lighthouse».

В соответствии с поставленной целью формируются следующие **задачи**: 1) рассмотреть основные принципы современ-

ного историко-этимологического анализа; 2) рассмотреть идеосемантику как элемент историко-этимологического анализа, выделить смежные с ней явления и определить в чем сходства и различия между этими явлениями и идеосемантикой; 3) определить роль художественного текста в процессе реэтимологизации и в изучении идеосемантики; 4) сделать обзор философских представлений о пустоте в Европе с античных времен до наших дней; 5) сделать обзор философских представлений о пустоте в буддизме и индуизме; 6) сделать обзор представлений о пустоте в мифологии и литературе; 7) на основании всех этих представлений сформировать сетку мотивов, связанных с пустотой; 8) провести системный историко-этимологический анализ словообразовательного гнезда с основой *пуст-*; на основании проведенного анализа сформировать сетку мотивов, связанных с этой основой; 9) провести системный историко-этимологический анализ словообразовательного гнезда с основой *empt-*; на основании проведенного анализа сформировать сетку мотивов, связанных с этой основой; 10) провести мотивный анализ идеосемантической актуализации основ *пуст-* и *empt-* в романах В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «To the lighthouse».

Объектом исследования является фрагмент русской и английской языковой картины мира, связанный с понятием «пустота». **Предметом исследования** является этимологический анализ основ *пуст-* и *empt-* и их идеосемантическая актуализация в романах В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «To the lighthouse».

Материалом для исследования послужили лексикографические данные: толковые, диалектные, синонимические, частотные, исторические и этимологические словари русского и английского языков; идеосемантическая актуализация исследуется на материале романов В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «To the lighthouse».

Для достижения цели и решения связанных с ней конкретных задач на разных этапах исследования в работе использованы следующие **методы и приемы анализа**:

1) описательный метод; 2) системно-структурный метод; 3) сравнительно-исторический метод; 4) лингвогеографический метод; 5) типологический метод; 6) метод идеосемантического и

мотивного анализа; 7) метод контекстного анализа – рассмотрение изучаемых основ в контексте художественного произведения.

Теоретическое значение работы определяется вкладом в разработку теории этимологического анализа с использованием методики междисциплинарного диахронного исследования и привлечения для анализа художественных текстов, призванных иллюстрировать идеосемантическую актуализацию.

Практическое значение работы определяется проведенным системным историко-этимологическим исследованием обширного лексикографического материала с привлечением данных других наук и видится в возможности использовать полученные результаты в учебной практике при подготовке различных курсов (этимология, диалектология, лексикология русского и английского языков и др.), а также при лексикографическом описании и этимологическом объяснении русской и английской лексики.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы В.И. Абаева, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Л.П. Дроновой, С.Г. Проскурина, связанные с проблемами этимологического анализа и идеосемантики.

Источниками исследования послужили лексикографические данные: толковые, диалектные, синонимические, частотные, исторические и этимологические словари русского и английского языков; идеосемантическая актуализация исследуется на материале романов В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «To the lighthouse».

В результате исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Изучение идеосемантики является одним из необходимых элементов этимологического анализа; оно позволяет восстановить древние глубинные представления, заложенные в слове и наиболее полно реализуемые в контексте.

2. Представление о пустоте, являясь существенным элементом картины мира, находит отражение не только в языке, но и в других отраслях человеческого знания, в том числе, в философии и мифологии. Соответственно, опираясь на философские работы и мифологические тексты разных народов и исторических эпох, возможно описать сетку философских и мифологических мотивов, связанных с пустотой.

3. Анализ данных толковых, диалектных, исторических и других словарей русского и английского языков позволяет сформировать сетку этимологических мотивов, связанных с основами *пуст-* и *empt-*.

4. Мотивы, выделенные на основании анализа философских и мифологических представлений о пустоте, а также выделенные путем этимологического анализа, актуализируются в тексте, в том числе, в тексте художественного произведения.

Исследование имеет следующую **структуру**: Введение, четыре главы, Заключение, Библиография, Список принятых сокращений языков.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, отмечается ее научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется теоретическая и практическая значимость полученных результатов, а также описывается методологическая база диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа»**

В конце XIX – начале XX века в силу ряда причин возникла необходимость развить старые и разработать новые методы этимологического анализа. Была отмечена важность последовательного рассмотрения словообразовательных, лексических и других связей слова в каждый период его развития для создания динамической картины языковых изменений. Кроме того, современное диахронное исследование должно обращаться к открытиям в области лингвистической типологии, позволяющим верифицировать полученные данные.

Давно утраченные в языке факты могут быть подвергнуты параллельной формально-фонетической, словообразовательно-лексической и языковой реконструкции, являющейся и инструментом, и целью сравнительно-исторического метода. С середины XX века в исследованиях по истории языка большое внимание уделяется семантической реконструкции. На данный момент описаны лишь отдельные проблемы в отражении семантической эволюции слов или их групп: разграничение полисемии и омонимии, типичные семантические переходы типологические описания некоторых

групп лексики и некоторые другие вопросы. Однако, большая часть случаев переходов значения внутри словообразовательного гнезда или эволюции значений отдельно взятого слова еще не проанализированы, т. к. с трудом поддаются выявлению и каталогизации.

Все описанные методы и приемы этимологического анализа позволяют произвести формальную и семантическую реконструкцию, но остается еще необходимость воссоздания эмоциональных представлений, отражающих историю слова, которые В.И. Абаев назвал *идеосемантикой*¹. Это важно для воссоздания всестороннего лингвистического портрета слова понятие постепенно ушло из научного обихода и использовалось, в основном, по отношению к самому В.И. Абаеву и его воззрениям. Чаще в языкознании применяются другие термины для описания более или менее близких к идеосемантике понятий: *внутренняя форма, культурная память языка, скрытая память язык, историческая память языка, языковая картина мира* и др. Все эти термины, соприкасаясь в каких-то аспектах с идеосемантикой, ни в одном из случаев не совпадают с ней.

Наиболее эффективный анализ идеосемантики производится с помощью художественного текста. Одним из возможных решений может оказаться применение разветвленного перечня (сетки) мотивов, где один пункт пересекается с другим. Мотив понимается как слово, единица «топики, выраженная центральной ключевой лексемой» (Н.В. Злыднева)². Одновременно, согласно тезису В.Н. Топорова³, все мотивы слова являются его этимологическими решениями. Справедливо и обратное утверждение – все этимологические решения слова являются его мотивами. Для получения сетки мотивов, связанных с конкретным словом, с помощью словарей определяются границы этимологического и словообразовательного гнезда, затем производится семантический анализ всех слов, относящихся к этому гнезду на синхронном и диахронном уровне. Слова, входящие в гнездо, могут отражать различные мотивы, присущие корню в целом. Каждое значение, в том числе, нашедшее отражение в говорах или в истории языка, представляет

¹ Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006. 150 с.

² Злыднева Н.В. Мотивика прозы Андрея Платонова. М., 2006. 221 с.

³ Топоров В.Н. От автора // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. С. 7-11.

отдельный мотив. Другие мотивы мы получаем, проанализировав синонимы слова, а также родственные слова в других языках.

Вторая глава «Представления о пустоте в науке, философии и мифологии».

Можно предположить, что автор художественного произведения, используя слово, имеющее богатое культурное наполнение и сложную языковую историю, будет в своем творчестве подсознательно опираться на оба эти фактора. Для формирования необходимой нам сетки мотивов, связанных с пустотой, мы вынуждены использовать результаты анализа этимологических гнезд с основами *пуст-* и *empt*, приведенного в третьей главе реферируемой работы. Согласно результатам данного анализа, общей семой для большинства слов, входящих в эти гнезда является сема 'отсутствие чего-л.'. В этом случае близкими к понятию «пустота» в античной философии являются Хаос, *небытие*, *ничто*, *несуществующее (несущее)*, *апейрон*, *кенон*, *вакуум*. С точки зрения античной философии, важнейшие свойства пустоты – ее способность к сохранению и порождению иных сущностей и ее возможность быть границей между другими объектами.

Средневековая христианская философия не допускала существования абсолютной пустоты, однако с наступлением эпохи Возрождения философы вновь признали ее существование. Появились новые понятия, соотносимые с пустотой и обладающие теми же критериями апофатичности и бескачественности: Природа Б. Спинозы, Абсолют, Абсолютное «Я» Фихте⁴, а также Бог в апофатической философии, Ничто, Небытие и др.

Таким образом, пустота в философии понималась либо как пространственная категория – промежуток между иными объектами или как стихия, обычно вода или воздух, либо онтологически – как небытие, противопоставленное бытию, нейтральное и бескачественное, амбивалентное или враждебное бытию и Богу.

Буддийские воззрения на пустоту важны для нас, так как один из авторов, в творчестве которых отслеживается идеосемантическая актуализация мотивов, В.О. Пелевин, находится под влиянием буддизма, о чем неоднократно говорит в своих интервью и произ-

⁴ Спиноза Б. Трактаты: [пер. с лат.]. М., 1998. 445 с. Фихте И.Г. Сочинения: работы 1792-1801 гг. М., 1995. 655 с.

ведениях. Прежде всего, у приверженцев буддизма пустота – начало и конец всего сущего, нечто позитивное и активное. Приближение к пустоте как прекращение и остановка бытия являются целью и нормой для религий Индии, Китая, Японии и некоторых других стран.

Краткое рассмотрение философских воззрений на пустоту позволило нам составить сетку мотивов, связанных с пустотой, которые не определяются семантическим развитием слов с основами *пуст-* и *empt-*. Множество терминов, применявшихся в философии разных эпох и народов для называния понятий, так или иначе соотносимых с пустотой, в результате обобщения дают следующие мотивы: «**пустота**» – **ничто** (небытие, несуществующее); «**пустота**» – **лишенное атрибутов** (бескачественное); «**пустота**» – **свобода**; «**пустота**» – **хаос** (дикая природа, бездна, вода, море); «**пустота**» – **первоначало, источник всего сущего**; т.к. Абсолют (лат. безграничный, безусловный) тоже воспринимается как первоначало, мы рассматриваем эти мотивы вместе.

На основании краткого очерка буддийских воззрений на пустоту были выделены следующие мотивы: **пустота** – «**небытие**»; **пустота** – «**лишенное атрибутов, бескачественное**»; **пустота** – «**первоначало**»; **пустота** – «**свобода**». Можно видеть, что все эти мотивы без исключения присущи и европейской философии, кроме одного – **пустота**» – «Хаос».

С мифологической точки зрения Пустота соответствует Хаосу, и противопоставлена Космосу, организованному и наполненному всем необходимым. В ряде культур Хаос имеет антропоморфные черты. Также Хаос связан с водой, с вечностью и бесконечностью, отсутствием или смешением, аморфностью элементов. Он неупорядочен, удален от окультуренного пространства, темен и безлюден. Еще одним его воплощением оказывается бездна или яма.

Пустота находится между другими, более значимыми объектами, поэтому еще одним ее отражением в мифологии должен быть промежуток (граница) в самом широком понимании: пространственный – (порог, дверь, мост и т.д.) или временной (сумерки, конец года, зимы или лета, в традиционных культурах воспринимаемые как безвременье или время господства темных сил).

Исходя из приведенных фактов, можно выделить следующие мотивы, обусловленные мифологическими взглядами на пустоту:

пустота – граница, дверь, лестница, порог и т.д.; пустота – периферия; пустота – тишина; пустота – тьма, сумерки, ночь, также, возможно, туман; пустота – порождающее начало, мать, вообще – женское начало. (Одновременно, пустота может являться финальной стадией существования мира или, в более узком и конкретном понимании, – какого-то объекта); **пустота – отсутствие признаков, бескачественность.**

Третья глава «Сопоставительный этимологический анализ русск. *пуст-* и англ. *empt-*».

Согласно лексикографическим источникам, среди всех значений прилагательного *пустой* основными являются два: первое, прямое – ‘ничем не заполненный, полый внутри, лишенный содержимого’; и второе, переносное – ‘ничего не чувствующий’. Производные от него различные части речи развивают те же семантические линии.

В русских говорах сохраняется множество словообразовательных и семантических диалектизмов с основой *пуст-* (*пустище* – ‘пустошь’ или *отпуск* – ‘заговор’ и др.), а иногда – слова, утраченные в русском литературном языке, например, вятское *пуско* – ‘сильно, очень’⁵. Само прилагательное *пустой* часто имеет сему ‘не содержащий чего-либо’, а основа *пуст-* в сложных словах выступает синонимом приставок *без-*, *не-*. Слова *пуций* и *пуще* демонстрируют значения ‘более сильный’ и ‘худший’. Существительное *пуща*, хотя и обозначает, густой, трудно проходимый лес, а не пустое пространство, но, не будучи обработанной и пригодной для жизни, в психологическом плане так же пуста, как и пустыня.

Прилагательное *пустой*, согласно лексикографическим источникам, имеет следующие группы синонимов: синонимы с общим значением ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’: *пустующий, опустелый, безлюдный, пустынный*; синонимы со значением ‘такой, где вопреки ожиданию нет людей или их не видно’: *безлюдный, пустынный, глухой, нежилкой, необитаемый*. Прилагательное *полый* обозначает ‘имеющий внутри свободное пространство’. Слова *свободный, незамещенный, незанятый* и *вакантный, просторный* также являются синонимами

⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 33. Л.: Наука, 1999. С. 182.

прилагательного *пустой*, однако, в отличие от большинства остальных, не имеют общеотрицательной оценки⁶.

Вторая группа синонимов к слову *пустой* связана с другим его основным значением ‘бессмысленный, бессодержательный’ (суетный, напрасный, бесполезный и др.). В ряде значений с прилагательным *пустой* коррелируют слова *сухой* и *тощий*, а также *голый* и *легкий*.

Основная масса современных производных от основы *пуст-*, согласно лексикографическим источникам, существовала в близких к современным значениям в XVIII – XIX вв. Более ранние значения приведены в словарях словаре русского языка XI-XVII вв.: ‘пустынный, безлюдный’; ‘опустошенный, опустевший, обезлюдивший’, ‘покинутый, оставленный без помощи’; ‘лишенный, не имеющий чего-л.’ (в этом значении часто выступает элемент *пуст-*, употреблявшийся в памятниках XVI-XVII вв. как первая часть сложных слов и фактически являющийся синонимом приставки *без-*: (ср. *пустоплодный* – ‘бесплодный’ и др.). Современное прямое значение ‘ничем не заполненный’ впервые зафиксировано лишь в XVI в.

Другой семантический центр рассматриваемого словообразовательного гнезда связан с глаголами *пустить* / *пускать* / *пуцать*; (-*т*- и -*к*- являются видовыми суффиксами при общем корне *пус-*). Семантические отношения между прилагательным *пустой* и однокоренным глаголом *пустить* на современном уровне их функционирования не прослеживаются. Первые значения глагола в современном русском языке – ‘освободить’ и ‘дать возможность двигаться’. Сам глагол *пустить* / *пускать*, нейтрален, но у приставочных глаголов, образованных от *пустить* часто некоторые значения имеют отрицательную коннотацию (ср: *допустить* – ‘дать пройти’ и ‘допустить ошибку’ и т.д.). Фразеологизмы, включающие его, также часто имеют отрицательный оттенок: ср. *пустить красного петуха*, *пустить клин* (диал.) – ‘поссорить’, *пустить по ветру, по миру*. Глаголы *опустить(ся)* и *спустить(ся)* демонстрируют семантику, связанную со спуском или ухудшением обычного состояния субъекта (ср. *опустить* руки, *опуститься* и др.). От видовой

⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004. С. 899-902.

пары *пустить* / *пускать* произведены междометия *пусть* и *пускай*, которые с исторической точки зрения являются императивами.

Семантически объединить *пустой* и *пустить* позволяют два омонимичных слова *пустить* – ‘дать свободу идти, не держать’, и ‘опустошать’, зафиксированные в исторических словарях. У них обнаруживается общее значение – ‘делать пустым’, а затем, возможно, ‘опустошать’ > ‘портить, разорять’. Начиная с самых ранних фиксаций глагол *пустить* имел, среди прочих других, значение ‘метать, стрелять’. Возможно, это первоначальное значение данного глагола – результат элизии сочетания *(с)пустить стрелу с тетивы* (ср. выражения *спустить затвор фотоаппарата*, *спустить курок* и т.д. в современном русском языке). Это предположение позволяет связать между собой значения глагола: ‘отпустить, перестать удерживать силой, послать, отправить, заставить двигаться’, а также сему ‘скорость’ в таких глаголах как *пуститьсья*.

Прилагательное *пуций* в словаре XI-XVII веков имеет значения ‘худший’, ‘низший’, ‘более несчастный, жалкий’, а также ‘большой’, т.е. обозначает не только недостаток, но и избыток какого-л. качества. В старославянском языке существовала супплетивная форма сравнительной степени от *злый* – *пуций*. Возможно, использование слова *пуций* в качестве сравнительной степени от *злой* объясняется связанной с прилагательным *пустой* и его производными отрицательной оценкой.

Семантика слов, производных от корня *пус-* (*pus-*) в славянских языках, как правило, связана с отмеченными ранее двумя основными линиями – пространственное значение (‘незаполненное, незанятое место, сосуд или емкость’) и оценочное (обычно в применении к человеку и его душевным качествам). Выраженная в русском языке отрицательная оценка, присущая словам с данным корнем, в других славянских языках еще более отчетлива.

Очевидных и не вызывающих сомнений этимологических соответствий корню *пус-* (*pus-*) в других индоевропейских языках немного: др.-прусск. *pausto* ‘дикий’, греч. *παύω* ‘прекращать работу’, *παύλα* ‘покой, неподвижность и некоторые производные от того же корня. Предположение о первоначальной отрицательной оценке, присущей словам с корнем *пус-* / *pus-* / *pai-*, не подтвердилось. Общей во всех языках для анализируемого гнезда, по-видимому, является сема ‘отсутствие чего-л.’. Анализ словообразовательных

гнезд с корнем *pus-* / *rau-* в древнегреческом и русском языке позволил обнаружить определенные семантические пересечения, но исходное значение, которое было производящим для русских *пустой*, *пустить* и *пуще* и одновременно для греческого *παύω*, пока неясно.

В результате мы получаем следующую сетку мотивов для корня *pus-* / *rau-*:

1. **Пустой – пустота; пустой – незанятый, незаполненный, а также свободный, чистый.** Пустой – бесполезный, тщетный, напрасный и т. п. (по отношению к человеку). 2. **Пустой – простой** (обычный, банальный). 3. **Пустой – апофатический, бескачественный**, (ср. также использование прилагательного *пустой* как синонима приставок *без-*, *не-*). 4. **Пустой – нежилой; пустой – дикое, уединенное место** (пустыня, пуща). 5. **Пустой – (от)пустить** (освободить). 6. **Пустой – стрелять, разрушать, портить** (пустить в значении ‘опустошать’; разруха, запустение; **пустой – ухудшение**, и, как следствие, **пустой – пуший, пуще, пустой – проклятый, проклятие** (ср. болг. *пустоваш* ‘проклинать). 7. **Пустой – бесплодный, сухой, худой, тощий.** 8. **Пустой – голодный** (постный, невкусный). 9. **Пустой – прекращать, останавливаться** (др.-греч. *παύω*), **остановка** (лат. *pausa*), 10. **Пустой – одинокий, покинутый, оставленный без помощи.**

Ближайшим эквивалентом русского прилагательного *пустой* в английском языке является *empty*: ‘незанятый (not occupied)’; ‘свободный, рассеянный, бессмысленный, безучастный (vacant)’; ‘связанный с недостатком или отсутствием вещества (lacking substance)’.

Прилагательное *empty* имеет следующие основные синонимы: *blank*, *vacant*, *void*, *vacuous*, *blank*, для которых дается следующая общая дефиниция: ‘lacking the contents that could be or should be present’ – отсутствие содержимого, которое могло или должно было быть представлено.

Имеются отчетливые семантические пересечения с *empty* у англ. *spare* ‘свободный, лишний, запасной’ (ср.: *spare boxes* – свободный (лишний, пустой) ящик) и *clear* ‘чистый, свободный, незанятый’. В полном словаре синонимов и антонимов английского языка приводятся также некоторые синонимы к прилагательному

empty, не названные выше, например, *weak* – слабый, *silly* – глупый, *idle* – праздный, ленивый.

Можно привести следующие антонимы для слова *empty*: *full*, *filled* – полный, *replete* – насыщенный, сытый, *occupied* – занятый, *inhabited* – населенный, *complete* – полный, *adequate* – адекватный, достаточный, *sufficient* – достаточный, *sated*, *satisfied* – удовлетворенный, *wise*, *thoughtful* – благоразумный, вдумчивый, *important* – важный и др. Примеров и контекстов в словаре не дается⁷.

Английское слово *empty* (<*æmettig* – ‘vacant, free, idle’ – ‘свободный, незанятый (во всех смыслах), лишенный чего-л., праздный’) образовано с помощью суффикса *-ig* от др.-англ. *æmetta* ‘досуг, покой’. Обе эти формы произошли вследствие присоединения отрицательного префикса *æ-* (*non*) к основе (*ge*)*mōt*, ср. *meeting* – ‘встреча, собрание’. Добавочное *-p-* имеет ту же природу, что в словах *glimpse*, *sempstress*.

В англосаксонский период в английском словаре присутствовали слова, однокренные с *empty* и утраченные в современном английском: *æmethwill* – ‘leisure, spare time, respite’ (свободное время, отсрочка); *æmetig*, *æmtig*, *emteg*, *emetig*, *emtig* – ‘vacant, empty, barren, free, idle’ (свободный, пустой, бесплодный, праздный); *æmetta*, *æmta*, *emta* – ‘rest, leisure, quiet’ (отдых, мир, покой); *æmtigean* – ‘to be at leisure’ (отдыхать).

В среднеанглийский период интересующее нас гнездо представлено двумя производными: глаголом *emtien* ‘to empty’ – опустошать (значение ‘to be at leisure’ – быть на отдыхе, приводится как историческое), и прилагательным *empty* – ‘empty’, пустой, т.е. происходит утрата значений, связанных с досугом, свободным временем. Переносные значения для прилагательного по-прежнему не зафиксированы.

Индоевропейский корень, к которому восходит др.-англ. *gemōt* – **mōd-*: **mād-* **mād-*: **mād-*, примерное значение которого – ‘встречаться, приближаться’ (ср. армянск. *matšim* ‘приближаться’, др.-исл. *mōt* – встреча, собрание, готск. *maþl* – место, рынок и др.)⁸.

⁷ Девлин Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка. М., 2002. С. 207.

⁸ Посомы J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Bern, München, 1959. – Режим доступа: <http://www.archive.org/details/indogermanisches01pokouoft>. S. 746-747

Обобщая проанализированные по словарям различных типов (толковым, синонимов, антонимов, этимологическим) линии семантического развития английских слов с основой *empt-*, можно выделить следующие основные мотивы в английском языке, связанные с этим основой:

Empty – having nothing within, characterless, without, void (ничего не имеющий, бескачественный, без-, не-, лишенный чего-л.). **2. Empty – not occupied, free, blank, vacant** (не занятый, свободный во всех смыслах; не заполненный). **3. Empty – meaningless, unimportant** (бессмысленный, неважный), **empty – without effect, useless, null, invalid** (беспользительный, недействительный, непригодный). **4. Empty – hungry** (голодный). **5. Empty – barren** (бесплодный, скудный, скучный). **6. Empty – idle** (ленивый). **7. Empty – insensible** (бесчувственный). **8. Empty – leisure, peace** (отдых, покой, мир). **9. Empty – to deprive of contents, to discharge, to remove from a receptacle** (лишать содержимого, выстреливать, выпускать, выливать из вместилища).

Четвертая глава «Сопоставительный анализ русск. *пуст-* и англ. *empt-* в романах в. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и В. Вульф «*To the lighthouse*»: типы рэтимологизации»

В четвертой главе исследования делается попытка проследить, как именно актуализируются мотивы, выделенные ранее, в тексте художественных произведений. В романах обоих авторов проанализированы мотивы двух типов – полученные путем этимологического анализа и выделенные после рассмотрения воззрений на пустоту в философии и мифологии.

Пустой – незанятый, свободный. Актуализация данного мотива во многих контекстах оказывается связана с субъективным представлением о пустоте. Пустое место наполнено многочисленными объектами, не представляющими никакой ценности, и потому воспринимается как пустое: «Впрочем, **пространство было не совсем пустым. Под ногами <...> валялись бутылки, <...> пара старых покрышек, мятая дверь от «Лады» и большое количество разного квазимеханического мусора**»⁹ (здесь и дальше выделение наше. – А. С.).

⁹ Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. [Электронный ресурс]. М., 2007. Режим доступа: <http://knijky.ru/books/chapaev-i-pustota>.

Пустой – обычный, банальный. Единственный эпизод в романе, позволяющий допустить подобное толкование, связан с эпитетом, характеризующим пустоту – *серый*: «в бумажном разрыве появляется серая пустота»¹⁰. Одно из возможных пониманий приведенной цитаты обусловлено одним из значений слова *серый* в русском языке – ‘ничем не примечательный, бедный содержанием’.

Пустой – нежилой; пустой – периферия. Словари не отмечают для прилагательного *пустой* значений ‘дальний’, ‘периферийный’ и т.п., но из контекстов следует, что пустое место часто находится в удалении от человеческого жилья или другого локального центра. При этом по мере удаления от центра, пространство приобретает все больше признаков, свойственных пустому месту – темнота, тишина, заброшенность и т. д. Следовательно, при описании пустых мест часто актуализируются соответствующие мотивы: «пустота – темнота», «пустота – тишина», «пустота – холод».

Пустой – стрелять, разрушать, портить. Мотив, связанный со значением ‘стрелять, разрушать’ встречается в романе В.О. Пелевина неоднократно, вот один из примеров: «Я вдруг остро ощутил свое одиночество и незащищенность в этом мерзлом мире. <...> Надо будет пустить себе пулю в лоб»¹¹. В данном примере значение ‘стрелять’ имеет не сам глагол, а весь фразеологизм, однако данный пример иллюстрирует рассматриваемый мотив. В приведенном отрывке присутствуют сразу два мотива – «пустой – одинокий» и «пустой – стрелять». Чаще всего употребление в тексте романа слова *пускать* является актуализацией значения ‘стрелять, пускать оружие в ход’. Большинство остальных контекстов с этим глаголом не дает принципиально новых сведений об особенностях семантики слов с корнем *пус-*.

Пустой – апофатический, бескачественный. Сема ‘отсутствие’ объединяет большинство производных от корня *пус-* (*раи-*) в разных индоевропейских языках, но она не фиксируется словарями напрямую. Поэтому контексты романа В.О. Пелевина, в которых ретимологизируется данный мотив, представляют для нас особый интерес. Вот один из подобных контекстов: «А теперь Сер-

¹⁰ Пелевин В.О. Указ. соч.

¹¹ Пелевин В.О. Указ. соч.

дюк (да и никакой на самом деле не Сердюк) плыл в бескачественной пустоте...».

Пустой – одинокий; покинутый, оставленный без помощи. В некоторых эпизодах романа слова *пустой* и *одиночество* находятся в одном контексте, что не дает оснований говорить о резтимологизации древнего значения ‘одинокий, покинутый’ в тексте, однако само их присутствие в одном контексте показательно.

Дополнительные мотивы в романе: «пустые руки». В тексте романа нам встретилось несколько эпизодов, которые не соответствуют ни одному из выделенных мотивов, а значение прилагательного *пустой* в них отличается от непосредственно описанных в словарях. Один из эпизодов связан с выражением «пустые руки»: Мармеладов обнажил «одетую в кружевные панталоны и бюстгальтер женщину в серебристом парике с мышинной косичкой: Боже... Старуха... А руки пусты...». Этот эпизод допускает различные трактовки. Так или иначе, видимо, в приведенном контексте слово *пусты* не отражает непосредственно ни одно из значений прилагательного *пустой*¹².

Мотив «**пустой бутылки (стакана)**» является также чрезвычайно частотным в романе В.О. Пелевина, получая дополнительное объяснение в связи с мировоззрением автора. Устами одного из героев пустой стакан трактуется как абстрактная форма, лишенная сознания: «все, что может появиться или исчезнуть, – это набор пустых форм <...>. Налъешь самогон в блюде – это ад, нальешь в чашку – это рай». Еще более характерный эпизод представляет пустоту как потенцию, способность вместить в себя нечто: «ценность <сосуда> определяется только его внутренней пустотой».

Из мотивов, выделенных на основании этимологического анализа слов с корнем *пус-*, в тексте не были обнаружены следующие: пустой – бесполезный, тщетный, напрасный; пустой – бесплодный; пустой – голодный (постный, невкусный); пустой – прекращать, останавливаться (др.-греч. *παύω*).

Пустота – ничто (небытие, несуществующее). Выделяя отдельные мотивы – «пустота – ничто» и «пустой – лишенный признаков, бескачественный», мы предположили, что противоположность бытию – это и есть ничто, а бескачественность, отсутствие

¹² Пелевин В.О. Указ. соч.

признаков лишь одно из его свойств. Выше уже был приведен эпизод, где пустота называлась бескачественной, а понятия «ничто» и «пустота» встречались в одном контексте.

Пустота – первоначало. В одном из эпизодов дикое, пустынное, заросшее бурьяном поле, где было «много **простора и неба, а на горизонте чернела полоса леса**» сравнивается с «**изначальной Русью**». Голое, пустое место на границе цивилизации описывается автором как нечто изначальное.

Пустота – граница. У В.О. Пелевина мотив границы реализуется в виде лестницы, порога, двери, пропуска. В одном из эпизодов романа пропуски между звуками обретают материальное и пространственное воплощение, засасывая в себя героя: «Я <...> поделать уже ничего не мог и, оставив борьбу, полетел вниз головой в тот самый **пролет пустоты** между минорными звуками рояля».

Пустота – хаос. Изначальный или постапокалиптический Хаос с точки зрения мифологии симметричны друг другу. В.О. Пелевин обыгрывает эту симметрию, включая в описания загробного мира в романе начальные строки Книги Бытия, но относя их к посмертным странствиям души: «Если даже допустить, что костер, горевший на поляне несколько часов назад, действительно был маленькой вселенной, то теперь эта вселенная прекратила свое существование <...>. **Поляна была темна, пуста и безвидна <...>**».

Все мотивы, выделенные на основе краткого обзора воззрений на пустоту в европейской философии и мифологии, нашли свою реализацию в тексте романа.

В романе В. Вульф слово *empty* в разных значениях встречается в общей сложности 17 раз, *emptiness* – 6 раз, в основном, во второй части романа.

Мотив **empty – not occupied (не занятый, свободный)** соответствует первому прямому значению прилагательного *empty* и в романе часто связан с пустыми ступенями, на которых любила сидеть главная героиня, миссис Рэмзи. После ее смерти пустые ступени становятся символом опустевшего дома. При этом пустота воспринимается субъективно: после смерти миссис Рэмзи одна из гостей, описывая дом, полный людей и вещей, используя слово *emptiness* – пустота. В другом эпизоде наблюдается обратная си-

туация: пустое море не кажется девушке таковым, так как оно наполнено ее эмоциями и впечатлениями.

Empty – бессмысленный, неважный, бесполезный; empty – отдых, покой. Эти два мотива были выделены нами как отдельные, но в большинстве найденных нами в тексте романа В. Вульф контекстов эти два мотива сопровождают друг друга. В одном из эпизодов романа, где описывается прием в доме Рэмзи, гость, приглашенный на обед, ощущает бессмысленность и глупость происходящего сборища, и эта бессмысленность описана следующим образом: «Оно должно было как-то оформиться, но сейчас, когда он застрял перед **пустым стулом, ничего не оформлялось, а разламывалось на кусочки**»¹³. (Здесь и далее перевод наш. – А. С.). В приведенном отрывке слово *empty* встречается в одном контексте с *nonsense*, а более широкий контекст подразумевает, что речь идет о званном вечере, собрании множества людей, хотя *empty* употреблено не по отношению к ним.

Empty – barren (бесплодный, сухой). Прилагательное *barren*, не являясь в строгом смысле синонимом к *empty*, семантически коррелирует с ним. В одном из отрывков романа полнота, включенность в круги жизни, плодородие контекстуально противопоставлены слову *bareness*: «Он желал сочувствия, желал, чтобы его <...> вовлекли в жизненный круг, обогрели и приласкали, чтобы сделали плодоносным его бесплодие, и чтобы все комнаты в доме наполнились жизнью»¹⁴.

Empty – безразличный, бесчувственный. И в русском, и в английском языке прилагательное *пустой* в значении 'равнодушный' применяется по отношению к человеку, ср. *пустой взгляд, пустая душа*. В. Вульф, одушевляя объекты природы, приписывает равнодушие и им. В одном из отрывков, где говорится об авангарде запустения, надвигающегося на дом, «нетронутость, колеблющаяся мантия тишины в пустых комнатах» характеризуется как спокойная и равнодушная.

Empty – ленивый. Многие мотивы, актуализацию которых можно наблюдать в тексте романа В. Вульф, были обнаружены в одном эпизоде: «Дом был **покинут, оставлен**. Он стал теперь **как**

¹³ Woolf V. To the lighthouse. London, 2002. P. 64

¹⁴ Woolf V. Указ. соч. С. 24.

пустая мертвая раковина на песчаном холме <...>. В нем словно наступила **долгая ночь**, победили **бессмысленно шарящие**, липкие **ветерки**. <...> **Жабы** обнюхивали вход. **Лениво, бесцельно** развевалась туда и сюда шаль»¹⁵. Описывая опустевший дом, автор в одном контексте использует сразу несколько мотивов – бессмысленность, хаос (символами которого выступают природные хтонические силы – ночь, ветра, море, жабы), а также мотивы «пустой – ленивый» и «пустой – бесцельный».

В качестве дополнительных мотивов были выделены «**пустой – покинутый**» – это значение не отмечено в английском языке для прилагательного *empty*, но наблюдается в нескольких эпизодах. Другой дополнительный мотив – «**пустые руки**»: после смерти главной героини, миссис Рэмзи, ее муж бредет, вытягивая руки, но они остаются пустыми. Наши выводы о трактовке мотива пустых рук в двух романах являются лишь предположениями, но эквивалентные, на первый взгляд, выражения *пустые руки – empty hands* в контексте романов двух авторов и использованные, казалось бы, в прямом значении, приобретают совершенно различный смысл.

Мотивы «**empty – голодный**» и «**empty – лишать содержания, выстреливать, выпускать, выливать из вместилища**» в тексте обнаружены не были. Одновременно были выявлены два дополнительных мотива – «пустой – покинутый» и «пустые руки».

Пустота – хаос. Контексты романа В. Вульф подтверждают существование ассоциативной связи между пустотой и Хаосом. Вот один из отрывков, иллюстрирующих мотив «пустой – хаос»: «Как **бесцельно**, как **хаотично**, как **нереально** все это было, думала она, глядя в **пустую кофейную чашечку**»¹⁶. В ряде случаев само слово *empty* в тексте отсутствует, но из контекста ясно, что речь идет именно о пустом месте; при этом его описание сопровождается характерными признаками, отмеченными выше для хаоса (ночь, тьма, страх, разбушевавшаяся стихия и т.д.). Поэтому представляется естественным, что во многих эпизодах романа при описании пустоты актуализируется мотив «**пустота – тьма, ночь**». Слово «ночь» встречается в романе более шестидесяти раз.

¹⁵ Woolf V. Указ. соч. С. 102.

¹⁶ Woolf V. Указ. соч. С. 107.

Пустота – ничто (небытие, несуществующее); пустота – лишенное атрибутов (бескачественное). Эти два мотива рассматриваются нами вместе, так как в тексте романа сопровождают друг друга. С точки зрения философии и мифологии пустота обладает тем же свойством – бескачественностью, отсутствием, в том числе и отсутствием формы. Подтверждения этому мы находим в романе В. Вульф: после смерти хозяйки дом и мир кажутся гостье бессмысленными и бесформенными, а о ней самой сказано “nothingness” – пустота, ничто. В романе есть и другие аналогичные эпизоды.

Пустота – тишина. В книге «На маяк» мы иногда встречаем контексты, в которых тишина и покой, может быть, и чужды, но не враждебны человеку. В романе, особенно во второй его части, где описывается опустевший дом, данный мотив встречается многократно, пересекаясь с другими близкими мотивами.

Пустота – граница. В романе В. Вульф данный мотив выступает в большинстве случаев в виде ступеней или окна. Последний вариант мотива – окно, очень частотен и используется в романе семьдесят шесть раз.

Пустота – женское начало. В тексте романа нам не встретилось контекстов, в которых бы однозначно актуализировался данный мотива. Однако во второй части книги описывается разоренный, опустевший дом – повсюду плесень, крыша вот-вот провалится, сорняки растут прямо в доме; казалось бы, еще немного, и от дома ничего не останется. Но приходят две старые женщины – и дом снова возвращается к жизни. Аналогичным образом хозяйка, миссис Рэмзи, противостояла пустоте, пока была жива.

Таким образом, в тексте актуализированы почти все мотивы, выделенные на основании анализа философских и мифологических представлений о пустоте, кроме мотивов «пустота – свобода» и «пустота – первоначало». Обоими авторами в большей части случаев пустота воспринимается как нечто опасное и чуждое человеку. Однако есть исключения, когда пустота понимается как освобождение и очищение. При этом следует отметить, что представление о пустоте субъективно – пространство ощущается как пустое, если в нем нет чего-то либо кого-то ожидаемого или необходимого. В текстах обоих романов наблюдается актуализация большинства из выделенных мотивов, а также ретимологизация, т.е. восстано-

ление древних утраченных значений. Одновременно было обнаружено несколько дополнительных мотивов, не выделенных ранее. Рассмотренные основы *пуст-* и *empt-* не являются этимологически родственными, однако в их идеосемантической наблюдаются пересечения, в том числе, не отраженные лексикографическими источниками. В обоих языках пустота находится в одном ассоциативном поле с холодом, тьмой, смертью, хаосом, тишиной, разрушением и бессмысленностью. Это, возможно, объясняется древнейшими мифологическими представлениями, разделяющими мир на свое – освоенное и населенное пространство, и чужое, пугающее. Последнее не содержит того, что привычно или нужно, а, значит, воспринимается как «неправильное», плохое, враждебное.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сделаны выводы о возможности верификации результатов этимологического анализа с помощью художественного текста.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки РФ

1. Соснина, А.А. Словообразовательное гнездо с корнем *пуст-* в истории русского языка: семантическая эволюция / А.А. Соснина // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 134–138.

2. Соснина, А.А. Идеосемантическая актуализация мотивов, связанных с прилагательным «пустой» в романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» / А.А. Соснина // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 143–150.

3. Соснина, А.А. Пустой и пускать: проблемы семантического перехода / А.А. Соснина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2-1 (32). – С. 170–173.

Перечень статей, опубликованных в других изданиях

4. Соснина, А.А. Особенности функционально-семантических отношений прилагательного пустой в современном русском языке / А.А. Соснина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых

ученых (Томск, 2 апреля 2010 г.). – Томск: ТГУ, 2010. – Вып. 11 (1): Лингвистика. – С. 228–233.

5. Соснина, А.А. Латинское pausa: историко-культурный комментарий / А.А. Соснина // Язык и культура: сб. ст. XXII Междунар. науч. конф. (Томск, 30-31 мая 2011 г.). – Изд-во ТГУ, 2012. – С. 368–376.

6. Соснина, А.А. Типологические связи прилагательного пустой в русском и английском языках / А.А. Соснина // Тенденции и перспективы развития современного научного знания: материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, 9-10 октября 2012 г.). – М.: Изд-во «Спецкнига», 2012. – С. 156–162.

7. Соснина, А.А. Анализ слова empty в романе В. Вульф «To the lighthouse»: мотивы и типы ретимологизаций / А.А. Соснина // Тенденции и перспективы развития современного научного знания: материалы VI Междунар. науч. конф. (Москва, 29 марта 2013 г.) – М.: Изд-во «Спецкнига», 2013. – С. 204–210.

8. Соснина, А.А. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа / А.А. Соснина // Критика и семиотика. – 2013. – № 2/19. – С. 14–30.

9. Соснина, А.А. Этимологическое гнездо с корнем ПУСТ-/PUST: семантические связи / А.А. Соснина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 18-19 апреля 2013 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 147–157.

10. Соснина, А.А. Идеосемантическая актуализация мотивов в романе В. Вульф "To the lighthouse" / А.А. Соснина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов V Междунар. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 16-17 апреля 2014 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 240–249.

11. Sosnina, A.A. Semantic relations of the adjective empty in modern English language / A.A. Sosnina // Language and Culture: the XXVI Annual International Academic Conference (Tomsk, 27-30 October 2015). – Tomsk, 2015. – P. 531–536.

Соснина Анна Александровна

**Этимологический анализ русск. *пуст-* и англ. *empt-*
на фоне их идеосемантической актуализации
в художественных текстах**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 24.03.2016. Формат 60х84_{1/16}.
Гарнитура «Times». Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 1,5. Заказ № __. Тираж 100 экз.

*Отпечатано в типографии Новосибирского государственного
технического университета*

630092, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20.